

ПОЛИТИКО-ЮРИДИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЕДИНСТВА ЗАКОННОСТИ И СИСТЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РСФСР В 1917–1922 гг.*

Биюшкина Надежда Иосифовна

Профессор кафедры теории и истории государства и права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород), доктор юридических наук, профессор, ORCID: 0000-0002-6796-4600, e-mail: asya_biyushkina1@list.ru.

Кодан Сергей Владимирович

Профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), доктор юридических наук, профессор, ORCID: 0000-0002-4041-625X, e-mail: tgp@usla.ru.

В статье акцентируется внимание на проблемах изменения государства и права после революции. Одна из таких проблем – отказ от прежних узаконений и переход к новой системе законодательства, что обостряет проблему обеспечения единства законности и системы законов как средств трансляции нормативных предписаний от центральных к периферийным органам государственной власти, управления, судам и гражданам. Этот вопрос особенно актуален в условиях формирования федеративного государства, когда появляются два уровня узаконений: общегосударственный и субъектов федерации. Авторы показывают влияние идеологических и политических факторов на формирование советского права и законодательства, рассматривают процессы обеспечения единства законности и системы законодательства.

Ключевые слова: история государства и права России, закон, законность, советский федерализм, законодательство, единство законодательной системы

Для цитирования: Биюшкина Н. И., Кодан С. В. Политико-юридические механизмы обеспечения единства законности и системы законодательства РСФСР в 1917–1922 гг. // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 4. С. 66–75. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2021_4_66.

POLITICAL AND LEGAL MECHANISMS FOR ENSURING THE UNITY OF LEGALITY AND THE LEGISLATION SYSTEM OF THE SOVIET FEDERAL STATE IN 1917–1922

Byushkina Nadezhda

Professor, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod), doctor of legal sciences, ORCID: 0000-0002-6796-4600, e-mail: asya_biyushkina1@list.ru.

Kodan Sergey

Professor, Ural State Law University (Yekaterinburg), doctor of legal sciences, ORCID: 0000-0002-4041-625X, e-mail: tgp@usla.ru.

The article focuses on the problems of changing the state and law after the revolution. One of these problems is a rejection of previous legalizations and a transition to

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках реализации научного проекта № 21-011-43043 СССР «Советский федерализм как результат политико-правовой бифуркации: идеологическое и организационное оформление».

a new system of legislation, which exacerbates the problem of ensuring the unity of legality and the system of laws as a means of broadcasting regulatory prescriptions from central to peripheral bodies of state power, management, courts and citizens. This issue is especially relevant in the formation of a federal state when two levels of legalizations appear – the national one and the level of subjects of the federation. The authors show the influence of ideological and political factors on the formation of Soviet law and legislation and consider the processes of ensuring the unity of the legality and the system of legislation.

Key words: history of the state and law of Russia, law, legality, Soviet federalism, legislation, unity of the legislative system

*For citation: Byushkina N. I., Kodan S. V. (2021) Political and legal mechanisms for ensuring the unity of legality and the legislation system of the Soviet federal state in 1917–1922. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 4, pp. 66–75, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2021_4_66.*

Октябрьская революция 1917 г., провозглашение советской власти на II Всероссийском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и принятие им первых системообразующих декретов положили начало строительства пролетарского государства и права. Формирование юридической надстройки «нового общества» – советского социалистического государства и права – практически сразу приобрело ярко выраженный идеократический характер и основывалось на марксистских идеологических конструкциях в ленинской интерпретации и политических решениях руководства коммунистической партии¹. Создание Советской республики с федеративным государственным устройством и политическим режимом в виде диктатуры началось со слома государственно-правовой системы Российской империи и проходило в условиях противостояния различных политических сил и необходимости решения комплекса сложнейших вопросов текущего управления страной и нормативной регламентации жизнедеятельности российского общества.

Особое место в этих процессах занимала коммунистическая партия, которая, ликвидировав остатки многопартийности и обеспечив свою монополию на идеологическое и политическое руководство страной, всецело определяла правовую политику. П. И. Стучка подчеркивал: «Сегодняшние директивные постановления партии – это завтрашний, даже сегодняшний революционный закон. Конечно, полностью это относится только к центральным директивам, ибо у нас имеются только центральные общеобязательные законы. Только в этой плоскости понятен лозунг: революция и революционный закон. В пролетарской революции они, революционный закон и революция, друг друга пополняют, а отнюдь не исключают. Поскольку революция идет в форме диктатуры под гегемонией пролетарской партии, постольку диктатура пролетариата действует чрез революционную законность. Чем более закон станет действительно революционным, тем более станет обязательною и сама собою разумеющеюся революционная законность»².

Формирование «пролетарского права» и «пролетарской законности» базировалось на идеологических и политических основаниях – программных документах РСДРП(б) – РКП(б), а фактически – на тактических политических решениях руководства партии – В. И. Ленина и его ближайшего окружения. В основе государственно-правовых преобразований была ленинская формула-лозунг: «Польза революции, польза рабочего класса – вот высший закон». Известный партийный и государственный деятель того времени Н. В. Крыленко отмечал: «Первый предрассудок, с которым пришлось бороться Ленину при проведении и обосновании революционного права и закона, был предрассудок о „правовом“ и „неправовом“ характере революционного правотворчества, происхождении революционной власти и революцион-

¹ Сырых В. М. Неизвестный Ленин: теория социалистического государства (без пристрастия и подобо-страстия). М.: Юрлитинформ, 2017.

² Стучка П. И. Революция и революционная законность // Советское государство и революция права. 1930. № 3. С. 22.

ного права или о праве революционного права именоваться „правом“... Революционная законность, учил Ленин, есть законность революции. Она теснейшим образом связана с революцией, порождается революцией и в то же время выражает революцию, оформляет общественные отношения, создаваемые революцией. Источником революционной законности является поэтому только революция, никаких других источников революционного права быть не может. Вот почему в момент своего возникновения никакими формальными признаками революционное правотворчество связано быть не может и ни в каких внешних санкциях оно поэтому не нуждается»¹.

Пролетарское право провозглашалось волей победивших в революции трудящихся во главе с рабочим классом. Закон и законность становились средствами установления и осуществления диктатуры пролетариата, являлись классовыми регуляторами общественных отношений и обеспечивали классовый правопорядок². Соответственно этому формировалось и нормативно закреплялось классовое понимание права. Классовый характер законодательства и репрессивных практик рельефно обозначили Руководящие начала по уголовному праву РСФСР от 12 декабря 1919 г., в которых подчеркивалось, что «советское уголовное право имеет задачей посредством репрессии охранять систему общественных отношений, соответствующую интересам трудящихся масс, организовавшихся в господствующий класс в переходный от капитализма к коммунизму период диктатуры пролетариата»³. Здесь важно замечание В. С. Нерсесянца о том, что «такое классовое „правопонимание“ идеологически и теоретически обосновывает правомерность не только всех прежних репрессий (от революции до „военного коммунизма“), но по существу – и всех возможных будущих репрессий, лишь бы они носили классовый характер. Можно подумать, что именно эта „классовость“ была в стране самым крупным дефицитом в эпоху пролетарской революции и диктатуры пролетариата»⁴.

Пролетарское право носило политико-инструментальный характер, что нашло отражение в политическом предназначении законодательства, которое В. И. Ленин выразил в известном лозунге: «Закон есть мера политическая, есть политика»⁵. Такому подходу соответствовал и советский легизм как тип правопонимания, который «отождествляет право и закон (позитивное право), сводит право к закону, отрывает закон как правовое явление от его правовой сущности, отрицает объективные правовые свойства, качества, характеристики закона, трактует его как продукт воли (и произвола) законоустанавливающей власти. Поэтому специфика права, под которым позитивисты имеют в виду закон (позитивное право), неизбежно сводится при таком правопонимании к принудительному характеру права. Причем эта принудительность трактуется не как следствие каких-либо объективных свойств и требований права, а как исходный правообразующий и правоопределяющий фактор, как силовой (и насильственный) первоисточник права. Сила власти здесь рождает насильственное, приказное право»⁶.

Формирующиеся революционные идеологемы определяли содержание «революционного права» и «революционной законности», что нашло отражение в государственно-правовом строительстве практически с первых дней установления советской власти. Революционная лексика начала активно использоваться не только в политической, но и в управленческой и законодательной деятельности, стала приобретать законодательное закрепление, но при этом не становилась юридически определенной. Нормативно-регулятивные практики опирались на весьма расплывчатые термины идеологического и политического характера: «революционный закон», «революционная законность», «революционная совесть», «революционное правосозна-

¹ Крыленко Н. В. Ленин и Сталин о революционной законности. М.: Сов. законодательство, 1934. С. 7.

² Ронин С. Л., Портнов В. П. Особенности возникновения советского права // История советского государства и права: в 3 кн. Кн. 1: Становление советского государства и права (1917–1920 гг.) / отв. ред. А. П. Косицын. М.: Наука, 1968. С. 295–301.

³ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. М.: Госюриздат, 1953. С. 57.

⁴ Нерсесянц В. С. Философия права. М.: Норма, 2005. С. 180.

⁵ Ленин В. И. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме» // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. М.: Политиздат, 1973. Т. 30. С. 99.

⁶ Нерсесянц В. С. Указ. соч. С. 65–66.

ние» и др.¹ Они переводились лидерами коммунистической партии и государства в лозунговую форму и прикрывали самые жестокие неправовые формы удержания власти как в первые месяцы после Октябрьской революции, так и в период красного террора и Гражданской войны². Именно эти практики способствовали формированию в послереволюционное время отношения к государству, праву, закону и законности как «буржуазным пережиткам», и именно они впоследствии обострили проблему обеспечения законности, хотя эти вопросы и не особенно «обременяли» партийную и советскую власть при решении практических проблем обеспечения безопасности и стабильности сформировавшихся политической, государственной и правовой систем.

Эти тенденции практически сразу нашли законодательное закрепление в декрете Совета народных комиссаров от 5 декабря 1917 г. «О суде», где сказано: «Местные суды решают дела именем Российской Республики и руководятся в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию»; одновременно такие решения не должны были противоречить программе РСДРП(б)³. Тем самым на государственном уровне, как подчеркивает В. С. Нерсесянц, «классовое насилие, пропущенное через фильтр „революционной совести и революционного правосознания“, выступает... непосредственно как классовое, революционное правотворчество. Акцент в таком правопонимании с права переносится на деятельность различных учреждений диктатуры пролетариата: то, что они установят и решат, это и есть новое (революционное, пролетарское) право, новый правопорядок»⁴.

Положения указанного декрета были разработаны при активном участии В. И. Ленина, и позднее, в 1919 г., на их основе был сформулирован один из тезисов проекта программы РКП(б): «Отменив законы свергнутых правительств, партия дает выбранным советскими избирателями судьям лозунг – осуществлять волю пролетариата, применяя его декреты, а в случае отсутствия соответствующего декрета или неполноты его, руководствоваться социалистическим правосознанием, отменяя законы свергнутых правительств»⁵. В скорректированной редакции данное положение вошло в п. 11 Программы РКП(б), принятой съездом партии 18–23 марта 1919 г.: «Отменив законы свергнутых правительств, Советская власть поручила выбираемым Советами судьям осуществлять волю пролетариата, применяя его декреты, а в случае отсутствия таковых или неполноты их руководствоваться социалистическим правосознанием»⁶. Политическая целесообразность превалировала над идеями верховенства права, закона и законности, а партия и государство должны были обеспечивать «интересы революции» без оглядки на эти «химеры» буржуазного права и юриспруденции.

Суть происходивших процессов красноречиво охарактеризовал советский юрист и государственный деятель В. П. Антонов-Саратовский: «Высший закон революции формулировался так: все, что полезно революции, все, что полезно пролетарской диктатуре – законно; все, что им вредно – незаконно. Нам вспоминается одна беседа с Ильичом в начале 1918 г., в которой он формулировал так свой ответ на вопрос о неисполнении вредных для революции приказов и законов: – „Да вы не слушайте ни приказов, ни декретов, если они вредят делу; вы делайте так, как подсказывает вам сознание. Если по декрету выходит плохо, а по вашим действиям – хорошо, никто вас за это ругать не будет. Если же вы приказа или декрета не исполните, а из ваших действий выйдет скверно, то вас нужно будет тогда всех расстрелять“. В содержании понятия „революционная законность“ и заключалась тогда эта мысль Ильича. Революционная законность почти совпадала с революционной целесообразностью.

¹ Селищев А. М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет. 1917–1926. М.: Работник просвещения, 1928.

² Литвин А. Л. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. М.: Яуза : ЭКСМО, 2004; Сырых В. М. Красный террор: каноны библейские, да исполнение плебейское. М.: Юрлитинформ, 2018.

³ Декреты Советской власти: в 18 т. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1. С. 125 (примеч. к п. 5).

⁴ Нерсесянц В. С. Указ. соч. С. 173.

⁵ Ленин В. И. Проект Программы РКП(б) // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 1969. Т. 38. С. 115.

⁶ Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Восьмой съезд РКП(б). 18–23 марта 1919 года / под ред. Е. Ярославского. М.: Партийное изд-во, 1933. С. 389.

Точнее: революционная целесообразность называлась революционной законностью. Иначе, конечно, и не могло быть. Центральное правительство в своей законодательной работе, в работе по установлению правопорядка пролетарской диктатуры не поспевало тогда за потребностями на местах, а недостаток (порой и полное отсутствие) опыта мешал ему своевременно и правильно заключать в нормы закона бурно разветвляющиеся явления борьбы и строительства»¹.

Формирование советской государственности и права в условиях выживания новой власти не могло долго опираться исключительно на «революционную совесть» и «революционное правосознание». При этом необходимо учитывать, что новая власть «в стихии революционных потрясений» не могла обеспечить даже формально провозглашаемую «пролетарскую законность». Н. В. Крыленко отмечал: «В первые месяцы после победы революции взаимоотношения между государственной властью и местными революционными органами не поддавались еще четкому определению и, несмотря на все агитационное и революционное значение первых революционных законов, последние далеко не отличались не только необходимой полнотой, но даже необходимым повсеместным безоговорочным признанием. В ряде случаев центральная власть сама передоверяла местам право детализации руководящих законов, исходя из невозможности в центре предусмотреть все местные детали, целиком полагаясь на революционный инстинкт, единство интересов и революционное единство политики центральной и местных революционных властей»².

Федерализм как принцип и способ определения государственного и законодательного устройства уже в 1918 г. поставил перед партией и государством вопрос о выстраивании системы законодательной деятельности, обеспечении иерархии законодательных актов и создании механизмов реализации законодательных предписаний. Проблема законности в самом широком ее понимании выдвигалась на первый план в государственно-правовом строительстве при создании новой формы государственного устройства – советской федерации.

Резолюция III Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов от 28 января 1918 г. «О федеральных учреждениях Российской Республики» установила, что «Российская Социалистическая Советская Республика учреждается на основе добровольного союза народов России как федерация советских республик этих народов», и закрепила систему высших органов власти «в пределах федерации». В эту систему вошли Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов, Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК) и правительство федерации – Совет народных комиссаров (СНК). Оговаривалось, что «способ участия советских республик, отдельных областей в федеральном правительстве, областей, отличающихся особым бытом и национальным составом, равно как разграничение сферы деятельности федеральных и областных учреждений Российской Республики, определяется немедленно, по образованию областных советских республик Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом и Центральными Исполнительными Комитетами этих республик». Также подчеркивалось: «Все местные дела решаются исключительно местными Советами. За высшими Советами признается право регулирования отношений между низшими Советами и решение возникающих между ними разногласий. Центральная Советская власть обязана следить за соблюдением основ федерации и представляет Российскую Федерацию Советов в ее целом. На Центральную власть возлагается также проведение мероприятий, осуществимых лишь в общегосударственном масштабе, причем, однако, не должны быть нарушаемы права отдельных вступивших в федерацию областей»³. Одновременно ВЦИК поручалось включить указанные положения в разрабатываемый проект конституции.

В обеспечении единства законности и создании единой системы законодательства решающее значение должно было иметь конституционное строительство. В ус-

¹ Антонов-Саратовский В. П. О революционной законности // Революционная законность. 1926. № 1–2. С. 3.

² Крыленко Н. В. Указ. соч. С. 12.

³ История Советской Конституции (в документах) / общ. ред. С. С. Студеникина. М.: Госюриздат, 1957. С. 105–106.

ловиях формирования федеративного государства стали определяться лишь общие контуры распределения нормативно-регулятивных полномочий между центральными и местными органами власти Советского государства и закладывались основы централизации законодательной деятельности, верховенства федерального закона и единства законности в целом на уровне федеративного государства. При этом сохранялась широкая автономия местных властей в применении законодательных актов и обычного права в отдельных республиках и областях в составе РСФСР.

Конституция РСФСР, принятая V Всероссийским съездом Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов 10 июля 1918 г., вопрос о единстве законодательной системы в условиях формирующейся федерации детально не регламентировала и лишь отнесла к предмету ведения Всероссийского съезда Советов и Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов «общегосударственное законодательство, судоустройство и судопроизводство, гражданское, уголовное законодательство и пр.» (п. «о» ст. 49). На местные советы возлагалось «проведение в жизнь всех постановлений соответствующих высших органов Советской власти» (п. «а» ст. 61)¹. Но и это в условиях переходного периода и формирования конституционных основ законодательной деятельности было значительным шагом на пути к установлению верховенства федеральных законов и законности, определению иерархии узаконений и обеспечению единства законодательной системы в масштабах всей республики.

В. П. Антонов-Саратовский отмечал, что, «когда в основном государство было построено, когда законодательство охватило все основные стороны нового порядка, когда у законодателя накопился значительный опыт, произошло расщепление революционной законности и революционной целесообразности. Центральное правительство стало с значительной настойчивостью требовать от мест строгого исполнения действующих законов. Места же, с одной стороны, но инерции, приобретенной в предыдущий период, а с другой – вследствие несовершенства законодательства, настаивали на своем праве революционной целесообразности, с точки зрения которой всякий закон мог быть самочинно изменен в соответствии с местной обстановкой. Надо заметить, что само центральное правительство, требуя исполнения законов, очень часто в самом законе делало оговорку о возможности его местного изменения и тем питало старые взгляды»². Такая ситуация вовсе не способствовала укреплению законности; не случайно в 1922 г. В. И. Ленин писал, что «законность должна быть одна, и основным злом во всей нашей жизни и во всей нашей некультурности является попустительство исконно русского взгляда и привычки полудикарей, желающих сохранить законность калужскую в отличие от законности казанской... Нет сомнения, что мы живем в море беззаконности и что местное влияние является одним из величайших, если не величайшим противником установления законности и культуры»³.

Вопросы обеспечения соблюдения законов нашли отражение в специальном постановлении VI Всероссийского чрезвычайного съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов от 8 ноября 1918 г. «О точном соблюдении законов». В. И. Ленин разработал его исходные положения в опоре на общий тезис: «Экстренные меры войны с контрреволюцией не должны ограничиваться законами»⁴. В вводной части постановления указывалось: «За год революционной борьбы рабочий класс России выработал основы законов Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, точное соблюдение которых необходимо для дальнейшего развития и укрепления власти рабочих и крестьян в России. С другой стороны, непрекращающиеся попытки контрреволюционных заговоров и война, навязанная империалистами рабочим и крестьянам России, делают в некоторых случаях неизбежным принятие экстренных мер, непредусмотренных в действующем законодательстве или

¹ История Советской Конституции (в документах). С. 151, 154.

² Антонов-Саратовский В. П. Указ. соч. С. 3.

³ Ленин В. И. О «двойном» подчинении и законности // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 1970. Т. 45. С. 198–199.

⁴ Ленин В. И. набросок тезисов постановления о точном соблюдении законов // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 1969. Т. 37. С. 129–130.

отступающих от него». Эта двойственность присутствует и в постановляющей части: «1. Призвать всех граждан Республики, все органы и всех должностных лиц Советской власти к строжайшему соблюдению законов Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, изданных и издаваемых центральной властью постановлений, положений и распоряжений. 2. Впредь установить, что меры, отступающие от законов Российской Социалистической Федеративной Советской Республики или выходящие за их пределы, допустимы лишь в том случае, если они вызваны экстренными условиями гражданской войны и борьбы с контрреволюцией». Постановление требовало, чтобы наличие таких условий обязательно обосновывалось и доводилось до сведения СНК, «местных и заинтересованных властей»¹.

Примечательно, что партийные и государственные власти не только допускали, но и нормативно закрепляли возможность отступления от требований пролетарского права в «интересах революции» и «борьбы с контрреволюцией». При этом «революционная законность» и требования к соблюдению ее единства в сочетании с формированием единой централизованной системы советского законодательства являлись одним из основных каналов трансляции и нормативно-регулятивного обеспечения реализации идеологических и политических решений коммунистической партии на уровне ее высшего руководства – Генерального секретаря и Политического бюро ЦК РКП(б)². Этот подход к пониманию «революционной законности» сохранился и после Гражданской войны, в том числе в период сталинских репрессий, но уже под видом доктрины «усиления классово-борьбы по мере завершения строительства социализма»³.

Конституционное оформление РСФСР как федеративного государства потребовало идеологического и политического обоснования и создания юридических механизмов обеспечения единой законности, выстраивания единой системы советского права и законодательства, отработки взаимодействия законодательных, управленческих и правоохранительных органов на уровнях федеральной и местной власти. На решение этих проблем было направлено и формирование единой иерархии узаконений и системы законодательства, построение которой должна была обеспечить систематизация советского права и законодательства.

Систематизация права и законодательства в РСФСР в 1918–1922 гг. проходила под лозунгами «революции права» и «революционной кодификации». Тем не менее строительство советской правовой системы опиралось на знания и опыт правового регулирования общественных отношений российской дореволюционной юриспруденции, в том числе приемы ее юридической техники. Формы и образцы актов систематизации узаконений дореволюционной юриспруденции составили базу для создания нового пролетарского права и упорядочения складывающегося законодательного массива.

На основании декрета СНК от 12 ноября 1917 г. издавалось Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства (СУ РСФСР). Оно выступало официальным источником опубликования нормативных правовых актов, в том числе декретов, постановлений Всероссийского съезда Советов, ВЦИК, СНК РСФСР и др., а также межгосударственных договоров РСФСР. Издавались и систематические сборники узаконений (как официальными государственными органами, так и в частном порядке)⁴. Эти формы инкорпорации советских нормативных правовых актов не только содержали информацию об изданных узаконениях для законодательной деятельности, но и позволяли осуществлять учет и дальнейшую обработку законодательного материала, выстраивать его по видам законодательных актов и сферам правового регулирования.

В 1918 г. в РСФСР были изданы Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве и Кодекс законов о труде. В последующие

¹ История Советской Конституции (в документах). С. 163–164.

² Кодан С. В. Формирование советской государственности и права после Октябрьской революции 1917 г.: основные инструменты и институты // Российский юридический журнал. 2017. № 6. С. 21.

³ Сырых В. М. Юридическая природа сталинского террора: по директивам партии, но вопреки праву. М.: Юрилитинфом, 2020. С. 49.

⁴ Ящук Т. Ф. Систематизация российского законодательства в советский период. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2021. С. 105–107.

годы – Уголовный кодекс РСФСР 1922 г., Гражданский кодекс РСФСР 1922 г., Земельный кодекс РСФСР 1922 г., Кодекс законов о труде РСФСР 1922 г. (заменил одноименный кодекс 1918 г.), Лесной кодекс РСФСР 1923 г., Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 г., Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1923 г., Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 г., Кодекс законов о браке, семье и опеке 1926 г. (заменил Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г.). Готовились и проекты других кодифицированных актов. Периодически издавалось Собрание кодексов РСФСР¹.

Кодификация советского права 1918 – середины 1920-х гг. внесла наиболее значительный вклад в создание системы права, выстроила его отраслевое деление, создала условия для развития законности, способствовала выстраиванию отраслевого деления и единой системы законодательства РСФСР. Не случайно в советской юриспруденции того времени эти процессы были названы «революционной кодификацией»². При этом основная цель первой кодификации состояла не в решении проблем упорядочения законодательного массива, а в создании «нового революционного права»³. Конструирование советской системы права и законодательства, как подчеркивает Д. А. Пашенцев, «происходило в первую очередь не на юридических, а на идеологических основах, при этом нормы права выполняли роль инструмента, закреплявшего идеологическую концепцию»⁴. Через отраслевые кодексы в законодательство транслировались идеологические установки и политические решения коммунистической партии, направленные на достижение целей коммунистического строительства и обеспечения безопасности существующего строя, осуществлялось правовое регулирование общественных отношений в различных сферах деятельности формирующегося советского общества, определялось понимание права и закона, выстраивалась единая система «революционного права и законодательства» и обеспечивалась реализация требований «революционной законности».

Первая советская кодификация 1918–1922 гг. выступила своеобразным идеологическим, политическим и юридическим «стандартом» формирования социалистического права для других социалистических национально-государственных образований, возникших на территории бывшей Российской империи: Украинской Советской Социалистической Республики, Белорусской Советской Социалистической Республики и Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики. В них на основе первых советских кодексов выстраивалась система социалистического права и «благодаря ориентации всех советских республик на опыт РСФСР унифицировалось социалистическое законодательство, складывались единые интернациональные начала советского права»⁵.

Список литературы

Антонова Л. И. Революционная кодификация законодательства РСФСР (1920–1930-е гг.) // Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления. 2008. № 4. С. 136–155.

Антонов-Саратовский В. П. О революционной законности // Революционная законность. 1926. № 1–2. С. 1–3.

Декреты Советской власти: в 18 т. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1. 625 с.

История Советской Конституции (в документах) / общ. ред. С. С. Студеникина. М.: Госюриздат, 1957. 1046 с.

Кодан С. В. Формирование советской государственности и права после Октябрьской революции 1917 г.: основные инструменты и институты // Российский юридический журнал. 2017. № 6. С. 16–22.

¹ Ящук Т. Ф. Указ. соч. С. 218–259.

² Стучка П. И. Революционная кодификация // Революция права. 1929. № 5. С. 12–19.

³ Антонова Л. И. Революционная кодификация законодательства РСФСР (1920–1930-е гг.) // Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления. 2008. № 4. С. 136–155.

⁴ Пашенцев Д. А. Кодификация как инструмент конструирования системы законодательства в начальный период советского государства (к 100-летию первых советских кодексов) // Журнал российского права. 2018. № 11. С. 12.

⁵ Усенко И. Б. Реализация принципов социалистической кодификации в первой кодификации советского законодательства // Проблемы правоведения. Киев: Вища школа, 1985. Вып. 46. С. 30.

Крыленко Н. В. Ленин и Сталин о революционной законности. М.: Сов. законодательство, 1934. 56 с.

Ленин В. И. набросок тезисов постановления о точном соблюдении законов // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. М.: Политиздат, 1969. Т. 37. С. 129–130.

Ленин В. И. О «двойном» подчинении и законности // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. М.: Политиздат, 1970. Т. 45. С. 197–201.

Ленин В. И. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме» // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. М.: Политиздат, 1973. Т. 30. С. 77–130.

Ленин В. И. Проект Программы РКП(б) // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. М.: Политиздат, 1969. Т. 38. С. 81–124.

Литвин А. Л. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. М.: Яуза : ЭКСМО, 2004. 442 с.

Нерсисянц В. С. Философия права. М.: Норма, 2005. 656 с.

Пашенцев Д. А. Кодификация как инструмент конструирования системы законодательства в начальный период советского государства (к 100-летию первых советских кодексов) // Журнал российского права. 2018. № 11. С. 5–13.

Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Восьмой съезд РКП(б). 18–23 марта 1919 года / под ред. Е. Ярославского. М.: Партийное изд-во, 1933. 560 с.

Ронин С. Л., Портнов В. П. Особенности возникновения советского права // История советского государства и права: в 3 кн. Кн. 1: Становление советского государства и права (1917–1920 гг.) / отв. ред. А. П. Косицын. М.: Наука, 1968. С. 295–301.

Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. М.: Госюриздат, 1953. 464 с.

Селищев А. М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет. 1917–1926. М.: Работник просвещения, 1928. 248 с.

Стучка П. И. Революционная кодификация // Революция права. 1929. № 5. С. 12–19.

Стучка П. И. Революция и революционная законность // Советское государство и революция права. 1930. № 3. С. 15–22.

Сырых В. М. Красный террор: каноны библейские, да исполнение плебейское. М.: Юрлитинформ, 2018. 469 с.

Сырых В. М. Неизвестный Ленин: теория социалистического государства (без пристрастия и подобострастия). М.: Юрлитинформ, 2017. 515 с.

Сырых В. М. Юридическая природа сталинского террора: по директивам партии, но вопреки праву. М.: Юрлитинформ, 2020. 504 с.

Усенко И. Б. Реализация принципов социалистической кодификации в первой кодификации советского законодательства // Проблемы правоведения. Киев: Вища школа, 1985. Вып. 46. С. 28–36.

Ящук Т. Ф. Систематизация российского законодательства в советский период. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2021. 414 с.

References

Antonova L. I. (2008) *Revolyutsionnaya kodifikatsiya zakonodatel'stva RSFSR (1920–1930-e gg)* [Revolutionary codification of the legislation of the RSFSR (1920–1930-ies)]. In *Upravlencheskoe konsul'tirovanie. Aktual'nye problemy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*, no. 4. pp. 136–155.

Antonov-Saratovskii V. P. (1926) *O revolyutsionnoi zakonnosti* [On revolutionary legality]. In *Revolyutsionnaya zakonnost'*, iss. 2, no. 1, pp. 1–3.

Dekrety Sovetskoi vlasti: in 18 vols. (1957) [Soviet decrees]. Moscow, Gospolitizdat, vol. 1, 625 p.

Kodan S. V. (2017) *Formirovanie sovetskoi gosudarstvennosti i prava posle Oktyabr'skoi revolyutsii 1917 g.: osnovnye instrumenty i instituty* [Formation of Soviet statehood and law after the October Revolution of 1917: basic tools and institutions]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 6, pp. 16–22.

Krylenko N. V. (1934) *Lenin i Stalin o revolyutsionnoi zakonnosti* [Lenin and Stalin on revolutionary legality]. Moscow, Sovetskoe zakonodatel'stvo, 56 p.

Lenin V. I. (1969) *Nabrosok tezisov postanovleniya o tochnom soblyudeniі zakonov* [An outline of the theses of the resolution on the exact observance of laws]. In Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii: in 55 vol.* Moscow, Politizdat., vol. 37, pp. 129–130.

Lenin V. I. (1969) *Proekt Programmy RKP(b)* [Draft Program of the RCP(b)]. In Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii: in 55 vol.* Moscow, Politizdat, vol. 38, pp. 81–124.

Lenin V. I. (1970) *O «dvoimom» podchinenii i zakonnosti* [On «double» subordination and legality]. In Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii: in 55 vol.* Moscow, Politizdat, vol. 45, pp. 197–201.

Lenin V. I. (1973) *O karikature na marksizm i ob «imperialisticheskom ekonomizme»* [On the caricature of Marxism and on «imperialist economism»]. In Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii: in 55 vol.* Moscow, Politizdat, vol. 30, pp. 77–130.

Litvin A. L. (2004) *Krasnyi i belyi terror v Rossii. 1918–1922 gg.* [Red and White terror in Russia. 1918–1922]. Moscow, Yauza : EKSMO, 442 p.

Nersesyants V. S. (2005) *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Moscow, Norma, 656 p.

Pashentsev D. A. (2018) Kodifikatsiya kak instrument konstruirovaniya sistemy zakonodatel'stva v nachal'nyi period sovetskogo gosudarstva (k 100-letiyu pervykh sovetskikh kodeksov) [Codification as a tool for constructing a system of legislation in the initial period of the Soviet state (to the 100th anniversary of the first Soviet codes)]. In *Zhurnal rossiiskogo prava*, no. 11, pp. 5–13.

Ronin S. L., Portnov V. P. (1968) Osobennosti vozniknoveniya sovetskogo prava [Features of the emergence of Soviet law]. In Kositsyn A. P. (Ed.) *Istoriya sovetskogo gosudarstva i prava: in 3 books. Book 1. Stanovlenie sovetskogo gosudarstva i prava (1917–1920 gg.)*. Moscow, Nauka, pp. 295–301.

Sbornik dokumentov po istorii ugolovnoy zakonodatel'stva SSSR i RSFSR. 1917–1952 gg. (1953) [Collection of documents on the history of the criminal legislation of the USSR and the RSFSR. 1917–1952]. Moscow, Gosyurizdat, 464 p.

Selishchev A. M. (1928) *Yazyk revolyutsionnoy epokhi. Iz nablyudenii nad russkim yazykom poslednikh let. 1917–1926* [The language of the revolutionary era. From observations on the Russian language of recent years. 1917–1926]. Moscow, Rabotnik prosveshcheniya, 248 p.

Stuchka P. I. (1929) Revolyutsionnaya kodifikatsiya [Revolutionary codification]. In *Revolyutsiya prava*, no. 5, pp. 12–19.

Stuchka P. I. (1930) Revolyutsiya i revolyutsionnaya zakonnost' [Revolution and revolutionary legality]. In *Sovetskoe gosudarstvo i revolyutsiya prava*, no. 3, pp. 15–22.

Studenikin S. S. (Ed.) (1957) *Istoriya Sovetskoy Konstitutsii (v dokumentakh)* [History of the Soviet Constitution (in documents)]. Moscow, Gosyurizdat, 1046 p.

Syrykh V. M. (2017) *Neizvestnyi Lenin: teoriya sotsialisticheskogo gosudarstva (bez pristrastiya i podobostrastiya)* [Unknown Lenin: the theory of the socialist state (without partiality and obsequiousness)]. Moscow, Yurlitinform, 515 p.

Syrykh V. M. (2018) *Krasnyi terror: kanony bibleiskie, da ispolnenie plebeiskoe* [The Red Terror: the canons are from the Bible but the execution is plebeian]. Moscow, Yurlitinform, 469 p.

Syrykh V. M. (2020) *Yuridicheskaya priroda stalinskogo terrora: po direktivam partii, no vopreki pravu* [The legal nature of Stalin's terror: according to the directives of the party but contrary to the law]. Moscow, Yurlitinform, 504 p.

Usenko I. B. (1985) Realizatsiya printsipov sotsialisticheskoy kodifikatsii v pervoy kodifikatsii sovetskogo zakonodatel'stva [Implementation of the principles of socialist codification in the first codification of Soviet legislation]. In *Problemy pravovedeniya*. Kiev, Vishcha shkola, iss. 46, pp. 28–36.

Yaroslavskii E. (Ed.) (1933) *Protokoly s'ezdov i konferentsii Vsesoyuznoy kommunisticheskoy partii (b). Vos'moi s'ezd RKP(b). 18–23 marta 1919 goda* [Minutes of congresses and conferences of the All-Union Communist Party (b). Eighth Congress of the RCP(b). 18–23 March 1919]. Moscow, Partiinoe izdatel'stvo, 560 p.

Yashchuk T. F. (2021) *Sistematizatsiya rossiiskogo zakonodatel'stva v sovetskii period* [Systematization of the Russian legislation in the Soviet period]. Omsk, Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta, 414 p.